

На рассвете А-Да вернулся, сменил одежду, дал брату Цуну пачку сигарет и оставил ему свою меховую куртку.

В этот момент он заговорил:

— Не смей убежать. Если убежишь, а я тебя поймаю, жди смерти.

Сказав это, он снова покинул комнату, перед уходом заменив цепь на более длинную, чтобы брат Цун мог передвигаться по комнате, но не настолько длинную, чтобы он мог выйти.

Будет ли брат Цун так послушен? Конечно, нет.

Но, связанный цепью, он не мог ничего сделать, кроме как сидеть в меховой куртке, ожидая прихода А-Яня.

Он не собирался рассказывать А-Яню правду. Ведь вера в сопротивление должна быть, как и чувство уважения и вины к самому себе. Тогда А-Янь будет стараться вместе с ним, чтобы как можно скорее найти способ сбежать.

В отличие от него, у А-Яня была куда большая удача.

Накануне его увели не для кровавого жертвоприношения. Как сказали местные:

— Они решили, что у меня мало мяса, и крови, вероятно, тоже немного, поэтому резать нет смысла.

А-Яня взяли в рабы, чтобы он разносил чай и воду. На Празднике Саламандры устраивали банкет Длинного моста, где тысячи столов выстроились вдоль дороги, протянувшись от моста до склона горы.

— Ты не видел вчерашнего зрелища. Издалека это выглядело, как огненный дракон, обвивший гору.

А-Янь сновал среди людей, разносил подносы и наливал вино, туда-сюда, время от времени получая пинок под зад и ругательства на местном наречии.

Но по сравнению с ситуацией брата Цуна, это было куда лучше. По крайней мере, у него была свобода передвижения, он мог украсть пару яиц, выпить миску горячего супа, а теперь даже тайком пришел проведать брата Цуна, принеся с собой мазь для лечения ран.

— Откуда у тебя эта мазь? — спросил брат Цун, заинтересовавшись.

А-Янь объяснил, что ее дал ему фермер, который сторожил его. Вчера, после работы, его бросили в сарай с сеном, и фермер дал ему несколько коробочек с мазью, чтобы он сам обработал раны на лице.

— Сегодня вечером снова придется работать. Наверное, боятся, что если ран будет слишком много, это испортит настроение деревенским.

Брат Цун нахмурился. Он хотел сказать, что, раз А-Янь может передвигаться на свободе, ему стоит внимательно осмотреться, найти места, где охрана слабее, и узнать, когда легче всего сбежать, чтобы вовремя сообщить войскам, и они смогли бы быстрее выбраться.

Но прежде чем он успел заговорить, А-Янь, нервно перебирая пальцами, заявил:

— Брат Цун... ты, ты не рассчитывай, что я достану тебе какое-нибудь оружие. Твой земляк сказал, чтобы ты сейчас не лез на рожон. Я... я буду приносить тебе по два яйца каждый день. Ты, ты пока потерпи, хорошо?

Сказав это, он робко посмотрел на брата Цуна.

Видимо, тот земляк действительно встретился с А-Янем и предупредил его.

Неизвестно, понял ли А-Янь, что это был его двоюродный брат, или же тот уже успел его запугать и склонить к сотрудничеству.

Брат Цун уставился на два яйца на столе, и ему вдруг захотелось запихнуть их в задницу А-Яня.

Оставаться одному в комнате было скучно, особенно после ухода А-Яня. Брат Цун ходил взад-вперед в пределах, ограниченных цепью, и вскоре сосчитал все трещины на полу.

А-Янь сказал, что не может задерживаться. Если сторож вернется и не найдет его спокойно сидящим в сарае с сеном, его ждет порка.

— На самом деле, моя задница тоже не в лучшем состоянии, так что ты не...

А-Янь хотел утешить брата Цуна, но тот посмотрел на него, и он проглотил оставшиеся слова.

Брат Цун был в недоумении. Он уже заявил о своей позиции и проявил стойкость прошлой ночью. Почему А-Янь все еще не верит ему? Неужели он выглядит как человек, который легко продаст свою задницу?

Он нашел в комнате медное зеркало, осмотрел свое опухшее от ударов А-Да лицо и раны на губах, и с решимостью отверг эту мысль.

Возможно, в глазах людей Кушань существуют только живые существа, которых можно использовать, и мертвые, которых нельзя. Их способность различать красоту и уродство не слишком высока.

В полдень ему принесли миску каши и две лепешки. Он попытался заговорить с тем человеком. Было необходимо собрать как можно больше информации, чтобы увеличить шансы на побег.

Но, к сожалению, он не понимал, что говорят другие, и другие не понимали его. Хотя он и учил местный диалект в школе, это были в основном письменные тексты. Разговорная речь, особенно с разными акцентами в разных деревнях, оказалась для него слишком сложной.

Брат Цун старался, но их разговор больше походил на общение глухого с немым.

В конце концов, он даже сделал жест, будто хочет в туалет, затем резко вытер пот со лба и, держась за живот, застонал.

Молодой человек, казалось, понял его с полуслова. Он подошел к дереву у входа, указал на его корни, затем на брата Цуна, и, положив руку на пояс, развязал штаны, показав нечто, что не поддается описанию, и сделал неопиcуемый жест в ответ.

Брат Цун заявил, что больше не болит живот.

Ему внезапно стало ясно, что истории, которые он читал в новостях в детстве, о том, как

мужчин и женщин похищали и продавали в горы в качестве спутников жизни для одиноких стариков, стали реальностью.

Раньше он думал, что, раз их взяли в компаньоны, они могли готовить, передвигаться, а горы такие большие, что, если захотеть сбежать, шансы есть.

Но теперь он так не считал. Он понял, что эти люди действительно несчастны, как и он сам. Некуда звать на помощь, сходить в туалет можно только у корней дерева у входа — это просто нечеловеческая жизнь.

Так он и ходил по комнате, и, несмотря на все его нежелание, вечером А-Да вернулся.

Это было то, чего брат Цун больше всего боялся. Прошлой ночью, благодаря удачному стечению обстоятельств, А-Да не смог его «использовать», но сегодня все было иначе.

Раньше, когда он и А-Янь тянули жребий, кто будет мыть посуду, они выдергивали травинки, сравнивая их длину. В девяти случаях из десяти мыл посуду брат Цун, и единственный раз, когда он выиграл, был, когда он подглядел, какую травинку вытянул А-Янь, и нашел более длинную.

Поэтому он не рассчитывал на удачу, чтобы снова избежать участи.

Ничто не могло остановить А-Да.

При этой мысли его анус слегка сжался.

Но когда он увидел А-Да, он замер.

А-Да был ранен. Он вернулся вместе с человеком в соломенной накидке.

Еще не войдя в комнату, они уже громко спорили на местном наречии.

Человек в накидке ругался, поддерживая А-Да, и продолжал кричать, даже после того, как они вошли в комнату. Его крики заставляли чашки на столе дрожать, а воздух вибрировать.

Брат Цун поспешно встал и отошел к кровати, но мужчина продолжал кричать, словно не замечая его. Его глаза покраснели от ярости, и казалось, вот-вот потекут слезы.

Только когда А-Да махнул рукой, приказав ему замолчать, и закрыл дверь, крики прекратились.

Руки и ноги А-Да были перевязаны тканью, пропитанной кровью.

Брат Цун стоял у кровати, не зная, что делать. А-Да не обращал на него внимания, лишь бросил на него взгляд, а затем сам размотал мокрые повязки.

Брат Цун издали увидел, что это были резаные раны.

А-Да полез в ящик комода, достал несколько чистых тряпок, зажал один конец зубами, а другой рукой ловко забинтовал раны на ноге и руке.

Затем он поднял голову и посмотрел на брата Цуна.

— Что ты делаешь? Ты поел?

Брат Цун молчал.

— Подойди.

Брат Цун стиснул зубы, сжал кулаки и сделал полшага вперед.

А-Да поманил его рукой, повторив:

— Подойди, я тебя не трону.

Брат Цун нерешительно подошел, по пути размышляя, не схватить ли чайник со стола и не ударить ли им А-Да по голове.

Но он сразу же отбросил эту мысль. На А-Да, похоже, не было ключей. Если он ударит его, а потом придут другие, он останется прикованным, и это будет глупо.

Он подошел к А-Да, и тот обнял его за плечи. С силой он оперся на брата Цуна, перенеся на него половину своего веса.

— Иди к кровати.

Брат Цун поддерживал его, чувствуя тяжесть на плечах. От А-Да исходил сильный запах крови, и брат Цун не знал, как отказаться.

Он не был уверен, стоит ли ложиться, но А-Да сам не лег. Он сел на кровать и указал на другой шкаф:

— Открой его, там есть еще одно одеяло.

Позже брат Цун подумал, что, если бы не этот момент, возможно, он бы действительно нашел способ ударить А-Да чайником и сбежать.

<http://bllate.org/book/16300/1470090>